

В начале новой фазы.

Экономическое обозрение.

Развитие инфляционного кризиса в СССР станут анализировать долго и тщательно. Ему так же, как, скажем, германской гиперинфляции, будут посвящены сотни работ, регулярно проводимые конференции. На дальней исторической дистанции, когда не сводит горло от собственного бессилия изменить ход событий, академическое спокойствие, столь необходимое в научной работе, сохранять легче. И все же сейчас, когда нарастающие экономические неурядицы поставили на место разумной озабоченности, заставляющей думать и принимать точные решения, общественную истерию, важно попытаться предельно спокойно, профессионально, отстранив политические симпатии, разобраться в тенденциях, которым суждено определять хозяйственное развитие страны в предстоящие месяцы, а возможно, и годы.

I

К чему приводят попытки, не считаясь с возможностями страны, форсировать экономический рост, гадать не надо. Такие опыты проделывали многократно и почти повсеместно. О том, что из этого получается, можно было бы спросить у Лопеса Портильо, энергичного президента Мексики, приведшего страну к финансовому краху 1982 года. Познакомиться с тем, как сходная политика, проводимая Жуселину Кубичеком и Жоао Гулартом, поставила Бразилию на грань гиперинфляции. А можно, и не заглядывая за океан, поинтересоваться характерными колебаниями капитальных вложений, объема производства и инфляции у наших соседей — в восточноевропейских странах. На них обратили внимание еще в начале шестидесятых годов, а к середине семидесятых механизм этого явления, получившего название планового инвестиционного цикла, был уже хорошо изучен.

Крупномасштабную советскую экономику нелегко выбить из накатанной колеи. Именно поэтому подобные колебания здесь, после первой пятилетки, не были значимыми. Но когда новой команде руководителей, пришедших к управлению экономикой страны с началом перестройки, удалось, преодолев инерцию, резко увеличить темпы роста капитальных вложений, специалистам стало ясно: механизм такого цикла запущен, в

ближайшие годы именно он будет определять развитие важнейших народнохозяйственных процессов.

Инвестиционный цикл, так же как классический цикл рыночной конъюнктуры, имеет собственную логику, последовательность стадий, проявляющуюся в самых разных по структуре хозяйства странах. Вслед за наращиванием капиталовложений, импорта производственных ресурсов ускоряются темпы экономического роста. Увеличиваются фронт начатого строительства, объем накапливающихся в нем и пока не дающих эффекта ресурсов. Ограничиваются закупки потребительских товаров. Финансовое положение государства осложняется, темпы роста денежной массы растут, обостряется дефицит на потребительском рынке. Нарастают внешнеэкономические трудности. Оптимизм, уверенность в своих силах у тех, кто поставлен руководить экономикой, сменяются растерянностью.

Взглянув на *таблицу 1*, нетрудно убедиться, что в нашей стране перелом, начало нисходящей ветви инвестиционного цикла приходится на рубеж 1988 и 1989 годов. Предопределили его расстройство государственных финансов и растущий дефицит внешнеторгового баланса.

Таблица 1

Показатель	В процентах по отношению к предыдущему году					
	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Капитальные вложения, темпы прироста	3,0	8,4	5,6	6,2	0,6	-3,9
Промышленное производство	3,4	4,4	3,8	3,9	1,7	-1,2
Доля дефицита бюджета в валовом национальном продукте	1,8	5,7	6,4	9,2	8,7	6,0
Доля сальдо внешней торговли в импорте*	2,0	1,8	4,3	-3,6	-10,0	-19,1

**Без сальдо импорта с развивающимися странами.*

Вопреки воле и стремлениям высших органов управления, под давлением жесткой необходимости приходится резко ограничивать капиталовложения, свертывать производственный импорт. Падают темпы экономического роста. Ресурсы перераспределяются на выпуск и закупку потребительских товаров.

Продолжение этих тенденций было заложено и в план 1990 года. На 30 процентов сокращается импорт химических продуктов, на 20 — проката черных металлов, более чем в два раза — закупки труб. Ограничение закупок за рубежом стального листа, пластмасс, кабельного пластика, резинотехники, увеличение экспорта цветных металлов с

неизбежностью ведут к падению выпуска важнейших видов машиностроительной продукции — грузовых автомобилей, вагонов, автобусов, электровозов и тепловозов, кабеля и многих других. Сокращение капитальных вложений — к отсрочке ввода мощностей в энергетике, консервации строек в химико-лесном комплексе, приостановке работ по "расшивке" узких мест на транспорте.

Как правило, такая политика позволяет, восстановив ценой падения объема производства равновесие, стабилизировать положение на потребительском рынке, создать предпосылки возобновления экономического роста. В нашей стране этого не произошло. Начавшаяся крутая перестройка всех важнейших общественных институтов наложила на инвестиционный цикл два процесса, существенно модифицировавших традиционный путь его развития: экономическую реформу и политическую дестабилизацию.

То, что к сложившимся пропорциям в оплате труда надо относиться уважительно и что их резкая ломка может стать катализатором неудержимой инфляции, известно давно. Специалисты хорошо знают, например, о выявленном еще в 1918 году профессором В. Гриневецким влиянии нарушения привычных соотношений доходов в ходе первой мировой войны на рост недовольства рабочих, ускорение инфляции и общее усиление социально-политической напряженности в России.

Детальный анализ хозяйственных преобразований в конце восьмидесятых годов в СССР заслуживает специального разговора. Но их наиболее значимые макроэкономические результаты очевидны. Это резкий рост дифференциации в оплате труда, экспансия финансовых ресурсов предприятий. В 1988 году, когда порожденные инвестиционным циклом диспропорции достигают своего апогея, денежные доходы населения выходят из-под контроля (табл. 2).

Таблица 2

	1986	1987	1988	1989	1990
Денежные доходы населения, темпы прироста	3,6	3,9	9,2	13,1	16,9

Если иерархическая организация, пронизывающая структурой подчиняющихся друг другу начальников сверху донизу всю огромную страну, рушится, использование рыночных механизмов становится уже не предметом выбора, а экономической необходимостью. Команды просто перестают выполнять. Руководителям предприятий не до теоретических споров. И индустриальная экономика, теснимая хаотическим бартерным рынком, требует от политической власти хотя бы минимального уровня порядка и

устойчивых денег. Беда в том, что именно это труднее всего обеспечить молодой неокрепшей демократии.

Открытая гласностью картина мира, осознание собственной бедности порождают эскалацию надежды, что вслед за западной рекламой в окошко уже стучится уровень потребления, социальных гарантий, который может позволить себе богатое общество со здоровой экономикой. Надо погромче крикнуть, поднажать на государство, и оно все, что обязано, выложит. Начинается перераспределительная вакханалия. Рост бюджетных расходов на социальные программы теряет всякую связь с финансовой реальностью.

В 1985-1987 годах среднегодовой прирост расходов бюджета на социально-культурные нужды (без расходов на науку, но включая пенсии) составлял около 6 миллиардов рублей. В 1991 году их предполагается увеличить почти на 50 миллиардов.

Такое не раз бывало в экономической истории. Вспомним: Аргентина, 1973 год. На смену военной диктатуре приходит популярное правительство перонистов. Под давлением требовательного общества идут вверх денежные доходы, дотации, развертываются социальные программы. Растут дефицит государственного бюджета, кредитная эмиссия. В ответ на попытку противопоставить росту цен административный контроль формируется черный рынок практически всех товаров. 1975 год. Подавленная инфляция, сметая на своем пути поставленные органами власти препоны, переходит в открытую: рост цен превышает 300 процентов. Начинается абсолютное падение объема производства и реальной заработной платы. В первом квартале 1976 года годовые темпы инфляции достигают 900 процентов. В апреле к власти приходит жесткий военный режим, массовыми репрессиями кроваво восстанавливающий порядок и стабильность.

Чили, 1970 год. Правительство левых сил начинает быстро увеличивать заработную плату, дотации, расходы на социальные нужды. Административное регулирование цен поначалу позволяет снизить темпы их роста (1970 год — 33 процента, 1971-й — 25). Но денежная масса быстро увеличивается, в экономике выявляются узкие места, обостряется товарный дефицит, формируются черные рынки. Попытки удержать цены на продукцию государственных предприятий приводят лишь к полному финансовому развалу. Со второй половины 1972 года объем производства падает, инфляция выходит из-под контроля. В сентябре 1973 года на фоне тяжелейшего общеэкономического кризиса правая военная диктатура приходит к власти.

Хотелось бы надеяться, что знакомство с приведенными в *таблице 3* данными хоть чему-нибудь научит поклонников даровой раздачи государственных денег.

Дефицит государственного бюджета, в % ВВП

	1976	1977	1970	1971	1972	1973	1974	
Чили	2,8	10,8	12,9	23,6*	10,3	3,1	2,7	
Аргентина	1,0	3,6	4,3	7,0	11,0	14,4	9,4*	3,1

* Военные перевороты.

Демократические преобразования в нашей стране начались на не слишком благоприятном фоне усиливающейся инфляции, развала потребительского рынка, разочарования и растущей социальной напряженности. История как будто решила поставить эксперимент: приживется ли демократия в условиях экономического кризиса.

II

В начале 1990 года этот клубок экономико-политических противоречий в полной мере обозначился. Инвестиционный бум и не всегда профессионально продуманные хозяйственные реформы создали мощный заряд подавленной инфляции. Нарастающий развал системы административного управления не позволял откладывать формирование рыночных механизмов. Но при накопившихся диспропорциях любой серьезный шаг в этом направлении грозил вызвать гиперинфляцию.

Экономическая логика подсказывала: надо пойти на любые меры, чтобы устранить основные источники инфляционного давления: дефицит государственного бюджета, экспансию денежной массы. Такая политика могла иметь шансы на успех в руках популярной, сильной власти, обладающей волей и авторитетом. Беда в том, что правительство растратило эти ресурсы в попытке форсировать темпы роста.

Когда твердая антиинфляционная политика жизненно необходима экономически и невозможна политически, приходит пора сменяющих одна другую без видимого влияния на хозяйственное развитие стабилизационных программ.

Хотя программу оздоровления, с которой правительство вышло в 1990 год, критиковали буквально со всех сторон, ее основные идеи были во многом разумными. Предполагалось, уменьшив централизованные капиталовложения и оборонные расходы, сократить дефицит бюджета. Введя специальный налог, взять под контроль рост оплаты труда, перераспределить ресурсы в пользу выпуска и импорта потребительских товаров. Пока рыночные механизмы не запущены, хотя бы частично, восстановить дисциплину и порядок в народном хозяйстве.

Беда документа была не в направленности, естественной на этапе завершения инвестиционного цикла, а в неуверенности, сквозившей буквально в каждой строке. Заложенные в нем экстравагантные гипотезы эффективности использования ресурсов, наращивания выпуска товаров народного потребления отражали обреченную на провал попытку разрешить на бумаге острейшие противоречия в системе распределения, примирить конфликтные социальные интересы.

Когда сформированная правительством группа специалистов еще продолжала доработку программы, пытаясь учесть высказанные на втором Съезде народных депутатов замечания, даже самым верноподданным и лояльным стало ясно: развитие событий в течение года не будет иметь почти ничего общего с тем, что в ней написано.

Мощный удар по всей системе хозяйственных связей нанесли с новой силой вспыхнувшие в январе-феврале межнациональные конфликты в Закавказье. Из 10,5 миллиона человеко-дней, потерянных в год в результате забастовки, 9 миллионов пришлось на эти месяцы. Началось общее, постепенно ускоряющееся падение производства. Попытка вновь взять на себя руководство материальными потоками лишь продемонстрировала: рычаги управления отключены, предприятия игнорируют поток поступающих сверху указаний.

Быстро выявились и основные процессы, определявшие финансовое развитие в течение года. Как и планировалось, заметно выросли доходы от налога с оборота (увеличение за год на 10 миллиардов рублей, в том числе около 5 миллиардов — рост доходов от реализации алкоголя). Вслед за денежными доходами шли вверх налоги с населения (прирост — 4,3 миллиарда рублей). Сократились расходы на централизованные капиталовложения и оборону. Не удалось добиться увеличения платежей из прибыли предприятий (планировался рост на 4 миллиарда рублей). Продолжали быстро возрастать дотации и ассигнования на социальные программы.

Бюджетный дефицит — ценнейший индикатор для анализа инфляционных процессов. К сожалению, статистические "приборы", используемые для его измерения, при желании нетрудно испортить. Можно, например, как это делается в СССР, учитывать получаемые за рубежом или внутри страны займы как доходы бюджета. Показывать в финансовой статистике крупные доходы по неидентифицируемым статьям. Игнорировать прирост безнадежных кредитов, выданных государственным банком, замещающих бюджетное финансирование.

Существует набор международных методик, позволяющих привести данные о доходах и расходах бюджета в сопоставимый вид. Пока применять их в нашей стране не удается: ставшая достоянием гласности бюджетная информация для этого еще слишком

фрагментарна. Но в отсутствии финансовых рынков, когда дефицит бюджета прямо увеличивает денежную массу, можно оценить меру эффективности бюджетной политики, проследив, что происходит с деньгами.

Приводимые Министерством финансов данные о существенном сокращении бюджетного дефицита за истекший год (с 8,7 до 6,0 процента ВВП) находятся в разительном противоречии с монотонно ускорявшимися темпами роста денежной массы (в наличных деньгах 1989 год — 19,5 процента, 1990-й — 21,5).

Самым явным поражением стабилизационной политики стала неудача попыток затормозить рост номинальных доходов населения. "Справедливых" и "стимулирующих" форм замораживания зарплаток до сих пор в мире не придумали. Если уж применять такой обоюдоострый инструмент, идти на связанные с ним социальные конфликты, то делать это надо последовательно. Пусть на короткое время, необходимое, чтобы сбить волну инфляционных ожиданий, ограничение роста зарплаток должно распространяться на всех. Любая слабость, уступка, колебание подрывают доверие к серьезности намерений власти.

Пример такой слабости — вал выбитых из правительства в конце 1989-го — начале 1990 года исключений, лишивших налог на прирост зарплаток какого-либо смысла. С замораживанием зарплаты, распространяющимся на 20 процентов занятых, право, не стоит затеваться.

Уже в конце I квартала было ясно: прирост денежных доходов населения за год по меньшей мере вдвое превысит плановый, они увеличатся не менее чем на 80 миллиардов рублей (1989-й — 64,5 миллиарда, 1990-й — фактически 94 миллиарда), развал потребительского рынка будет лишь нарастать. За полтора года, на которые правительство попросило кредит доверия, клубок противоречий лишь затянется еще туже.

III

Признаки того, что высшие органы управления собираются круто изменить курс, попытаться вновь овладеть инициативой в экономике, стали появляться в марте. Во главе исполнительной власти становится президент. В своих выступлениях он неоднократно подчеркивает необходимость ускорить экономические реформы, придать им новый импульс. Явная неудача программы оздоровления очевидна для всех. Рядом, в Польше, новое правительство показывает, что при всех трудностях стабилизации демократия отнюдь не обречена быть заложницей разгула инфляции.

К середине апреля правительство готовит новый документ, получивший в обществе название "программа шоковой терапии". Его замысел, внутренняя логика радикально отличаются от того, что всего четыре месяца назад обсуждалось на Съезде народных депутатов.

Если не удастся справиться с подавленной инфляцией — а эффективность административного регулирования стремительно падает, — значит, надо разом включить механизм рыночного регулирования, дать предприятиям свободу в формировании производственных связей, начать энергичное разгосударствление собственности. Чтобы защитить население от последствий роста цен — ввести индексацию доходов. Сначала заменим пустые прилавки быстро растущими ценами, а затем уже остановим их гонку.

Программа внутренне логичная, но предельно рискованная. При сохраняющихся серьезных финансовых диспропорциях первым следствием освобождения цен вполне может стать массовое бегство от обесценивающихся денег, резко повысившаяся скорость их обращения. Темпы инфляции неудержимо пойдут вверх. Сделав героический прыжок к рынку, общество окажется у разбитого корыта гиперинфляции, с теми же слабыми, неработающими деньгами и уже знакомым бартером.

В апреле представленный документ дважды обсуждался на совместном заседании Президентского совета и Совета федерации. Самое существенное сомнение: такая политика имеет шансы на успех в руках сильных, пользующихся поддержкой органов власти. В реальной же ситуации ее последствия непредсказуемы. Вывод: программу представить Верховному Совету, но уже без "шокотерапии".

Специалисты, причастные к процессам формирования экономической политики, с недоумением ждали развития событий. Действительно: есть целостная, хотя далеко не бесспорная, программа действий, где стержень — размораживание цен. Надо ее доработать, предварительно вынув стержень. Но без него она просто рассыплется как картонный домик. В этой непростой позиции правительство делает, наверное, самый слабый, приводящий к форсированному проигрышу ход — реанимирует разработанные в 1987-1988 годах новые преysкуранты, пытается именно на них смонтировать то, что осталось от "шокотерапийной" программы.

Беда, разумеется, не в том, что предлагается повысить цены, — поддержать их нынешний уровень все равно невозможно. И даже не в административном характере их пересмотра. Если речь идет о ликвидации государственных дотаций, централизованное повышение — мера вполне естественная. Хуже другое: в сложившейся социально-экономической ситуации предлагаемая перестройка цен лишь углубляет финансовые диспропорции.

Государству теперь придется больше платить за оборонную технику (применительно к условиям 1990 года не менее чем на 30 миллиардов рублей), централизованные капиталовложения (20 миллиардов), расходы на социально-культурные нужды (15 миллиардов), на науку (3 миллиарда). Компенсации разниц в ценах (в основном дотации на продукты питания) возрастают до астрономической суммы в 204 миллиарда рублей (увеличение на 95 миллиардов). Параллельно сокращаются доходы от налога с оборота (35 миллиардов), внешнеэкономической деятельности (6 миллиардов). Увеличивающиеся отчисления на государственное социальное страхование и платежи из прибыли недостаточны, чтобы перекрыть действие этих факторов.

Даже при условии шестидесятимиллиардного некомпенсированного повышения розничных цен государственные финансы получали новый тяжелый удар. А уже когда правительство под давлением общественного мнения дрогнуло, обещало стопроцентную компенсацию, разрушительные последствия проявились в полной мере. Наметились финансовые диспропорции, которые уже невозможно ликвидировать никакими маневрами в области оборонных расходов, государственных инвестиций и перераспределения валютных ресурсов.

Сообщение о предстоящем крупном повышении цен дало мощный импульс инфляционным ожиданиям населения и предприятий. И те, и другие отреагировали в соответствии с азбукой экономической теории: энергичными попытками сократить денежные активы, обратить деньги в любые материальные ценности.

Положение на потребительском рынке в январе-апреле хотя и оставалось тяжелым, по меньшей мере перестало быстро ухудшаться. Вступил в действие стабилизирующий фактор: резкий рост потребительского импорта. Закупки промышленных товаров народного потребления за полгода увеличились на 32 процента, в том числе в развитых капиталистических странах — в 2,7 раза. На 67 процентов увеличивается импорт мяса, на 42 — животного масла, на 82 — обуви.

Подавляющая часть прироста пришлась на начало года. В первом квартале поставки зарубежных товаров легкой промышленности возросли в 1,4 раза. Такие темпы невозможно было удержать долго. Но хотя бы временно удалось остановить сокращение запасов в розничной торговле. По некоторым товарным группам наметились признаки улучшения снабжения. Резко увеличились запасы стирального порошка, мыла. Во многих регионах на время дефицит этих товаров сменился затовариванием. Рост запасов сахара (за 1989 год — на 33,4 процента) давал надежду со временем отказаться от нормированного снабжения.

После обнародования майского варианта правительственной программы положение меняется радикально. В мае-июне происходит абсолютное сокращение вкладов населения. Начинается стремительное, небывалое по масштабам сокращение запасов в розничной торговле. За май-сентябрь они уменьшились на 9 миллиардов рублей. Ажиотажный спрос распространяется практически на все хранимые товары.

Темпы роста реализации изделий легкой промышленности поднимаются с 2 процентов в 1989 году до 20 в 1990-м. За 10 месяцев их запасы сокращаются на 30 процентов. Исчезают из свободной продажи ткани. Быстро идут вниз запасы табачных изделий, спичек. Хотя запасы соли по-прежнему огромны, волна ажиотажного спроса распространяется и на нее. Вновь начинают сокращаться запасы моющих средств, сахара. Массовое вынужденное переключение спроса еще весной на сравнительно легко доступные нехранимые товары (хлеб, молоко) усугубляет трудности в торговле ими. С каждым месяцем все быстрее растут цены колхозного рынка. Первое полугодие — 18 процентов, июль — 29, август — 30, сентябрь — 34, октябрь — 38, ноябрь — 44. В октябре из 115 товаров культурно-бытового назначения, по которым ведется наблюдение, в свободной продаже уже не было ни одного.

В обзоре за 1989 год ("Коммунист", 1990, №2) мне пришлось писать, что по-настоящему пустые полки магазинов у нас еще впереди, что ситуация радикально ухудшится, когда начнется массовое бегство от денег. Тогда еще приходилось ссылаться на польский опыт начала восьмидесятых годов. В истекшем году и эта глава экономической теории стала элементом повседневной жизни.

IV

К середине лета конституировавшиеся новые органы власти в республиках вступили в ожесточенную борьбу с центром практически по всему кругу экономико-политических проблем, в том числе по таким жизненно важным ее аспектам, как контроль над банками и финансовыми ресурсами. На глазах разваливалась система распределения продукции через общесоюзные фонды. За 11 месяцев годовой план поставки в них мяса и мясopодуKтов республики выполнили на 69 процентов (поставки на внутpипубликанские нужды — 92 процента).

На фоне расстройтва системы хозяйственных связей, регионализации рынков и формирования местных таможен темпы падения выпуска важнейших видов продукции постепенно ускорялись. Особенно опасной стала эта тенденция в нефтедобыче. За 1989

год — сокращение на 3 процента, первый квартал 1990-го — на 4,2, четвертый квартал — на 8,8 процента.

Металлурги, традиционно полагавшиеся на гарантированные директивными заданиями поставки лома, столкнулись с серьезным сырьевым кризисом (заготовка лома, сократившаяся за 9 месяцев на 5 млн т, составила лишь 86 процентов к плану), вынуждены были снизить загрузку оборудования. Выпуск проката падает на 3 процента, стальных труб — на 5. Здесь, как и в нефтедобыче, сокращение производства месяц за месяцем ускоряется.

Химия и нефтехимия расплачиваются за долготлетнее пренебрежение к экологии. Остановки предприятий по требованию общественности, решением местных органов власти становятся массовыми.

Хотя машиностроение и осталось единственной отраслью, на бумаге сохранившей положительные темпы роста, он явно обеспечивался ценовыми факторами. Наряду с вынужденным ограничением импорта на работе заводов этой отрасли особенно болезненно сказывалось нарушение кооперационных связей.

Отправление грузов транспортом общего пользования — неплохой измеритель объема хозяйственной деятельности, свободный от ценовых искажений (табл. 4). Он позволяет проследить и результаты попыток силой вырвать повышение темпов экономического роста в начале пятилетки, и сокращение хозяйственного оборота после 1988 года. В 1990 году этот процесс резко ускорился.

Таблица 4

	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Отправление грузов транспортом общего пользования (темпы прироста к предыдущему году, %)	0,4	4,4	2,0	1,3	-1,9	-5,8

Бесконечно латать расплзающиеся дыры отечественной экономики за счет импорта невозможно. По данным западной финансовой статистики, валютные резервы СССР за 1990 год сократились почти втрое (с 14,4 до 5,1 миллиарда долларов). С конца 1989 года сначала тихо, как о слухе, затем все громче в мире заговорили, что Советский Союз начал срывать сроки платежей. Завоеванный десятилетиями финансовой респектабельности кредитный рейтинг страны рушится на глазах.

Партнеры в массовых масштабах прекращают отгрузку заказанной продукции, рвут контракты. В июле-августе поставки импортных товаров легкой промышленности в

торговлю сокращаются на 5 процентов. Среднемесячный импорт моющих средств падает с 85 тысяч тонн в первом полугодии до 48 тысяч тонн в третьем квартале.

Помощь пришла неожиданно. Перепады цен мирового рынка на энергоносители уже давно стали важнейшим фактором, определяющим экономическое положение страны, далеко перевешивающим по значению годовые колебания урожая. В первом полугодии цена на советскую нефть, экспортируемую в развитые капиталистические страны, упала на 6,4 процента. С начала августа, когда резко обострилось положение в районе Персидского залива, цена на нефть быстро пошла вверх (с 87 рублей за тонну в первом полугодии до 112 — в сентябре). Дополнительные доходы в торговле со странами Запада только за III квартал составили около 750 миллионов инвалютных рублей.

К тому же разительные перемены в Восточной Европе ослабили зависимость распределения нефтяного экспорта от политических факторов. При общем сокращении экспорта нефти и нефтепродуктов (со 140 миллионов тонн за 9 месяцев 1989 года до 130,9 миллиона тонн за тот же период 1990-го) ее поставки в развитые капиталистические страны по объему остались стабильными (соответственно 59,6 и 60,0 миллиона тонн), а по стоимости возросли (4,9 и 5,3 миллиарда инвалютных рублей).

При сохранении благоприятной рыночной конъюнктуры, остановке падения добычи и переходе в торговле со странами СЭВ на конвертируемую валюту открывалась перспектива существенного увеличения валютных доходов. Даже полное прекращение поставки и реэкспорта иракской нефти, получаемой в оплату советских поставок и кредитов (в 1989 году — 972 миллиона инвалютных рублей), несопоставимо по масштабам с выигрышем в ценах.

Дело даже не только в нефти. Кризис в Персидском заливе еще раз продемонстрировал миру, как важен стабильный и предсказуемый Советский Союз. Лавина обрушившихся во второй половине года на нашу страну государственных кредитов свидетельствовала: понимание того, какими последствиями чревато для всего мира углубление кризиса в СССР, начинает пробивать себе дорогу.

В сочетании с ответственной антиинфляционной внутренней политикой поддержка международного финансового сообщества — существенный фактор, облегчающий укрепление национальной валюты. К сожалению, трудно представить себе ситуацию, в которой международная помощь была бы менее эффективна. Когда государственные финансы разваливаются из-за безудержного роста расходов, зарубежные кредиты лишь стимулируют дальнейший рост потребительских ожиданий, беспочвенные иллюзии, что кто-то за нас решит наши собственные проблемы. И к тому же даром.

Надежда, что политическая ответственность восторжествует, финансовое положение удастся стабилизировать до того, как подавленная инфляция перейдет в открытую, еще раз появилась, когда стало известно: руководители Союза и России договорились объединить усилия в разработке и реализации программы углубления реформы.

Появившийся в результате документ, если сделать скидку на публицистические красоты (роспись по дням), вынужденные уступки политической демагогии (мягкость к социальным программам, обещание никого не обидеть) и экономическому изоляционизму республик (отказ от федеральных налогов, опасные эксперименты с банковской системой), воспроизводит естественную логику ортодоксальной стабилизационной программы.

Предполагалось, резко сократив государственные расходы (капиталовложения, дотации, оборона, управление, помощь зарубежным странам), в течение полугода ликвидировать бюджетный дефицит. В тот же срок сократить до "0" рост денежной массы. Используя широкомасштабную приватизацию, продажу населению земли, золота, валюты, повысив процентную ставку, перевести часть вынужденных сбережений в неденежную форму, снизить ликвидность денежной массы. Поставить предприятия, работающие на государство, перед необходимостью переключать производство на те виды продукции или услуг, которые можно продать на рынке. Создать обстановку, в которой деньги дороги, дефицитны. Попытаться до этого удержать цены, не дать инфляции разогнаться. После ликвидации важнейших финансовых диспропорций разморозить цены.

Такая линия, опирающаяся на поддержку наиболее авторитетных, пользующихся доверием политических лидеров, готовых взять на себя нелегкий груз ответственности за ее реализацию, в начале августа еще имела шансы на успех. Но надо было немедленно сломать инфляционные ожидания, сформированные майской программой правительства, остановить перераспределительный азарт, накачку бюджета новыми социальными программами. Ничего подобного ни на республиканском, ни на союзном уровне не сделали.

Колхозы и совхозы, знающие, что союзное правительство обещало с января резко увеличить цены на мясо, не спешат с его поставкой. Российское правительство, вместо того чтобы заявить — повышения цен не будет, порвите и выбросите новые прејскуранты, само делает торопливый шаг вперед, вводит новые цены ранее объявленного срока. Разнобой цен рождает конфликты в пограничных с РСФСР районах

других республик. Тогда и союзное правительство ускоряет пересмотр закупочных цен по всей стране.

В сентябре российский парламент обсуждает республиканский Закон о пенсиях. И союзный-то не поднять больной экономике. Но разве можно в азарте политической борьбы уступить пальму первенства в "заботе о народе"? Ассигнования на пенсии в РСФСР увеличиваются еще примерно на 15 миллиардов рублей.

Предприятия, ожидающие обещанного и никем из обладающих властью не отмененного повышения цен, не спешат заключать договоры, выжидают. К началу октября договорами охвачено лишь 25 процентов выпуска продукции (в октябре 1989-го — 65 процентов). Полная неопределенность в том, что будет с хозяйственными связями на рубеже нового года, становится все более тревожной. 4 октября президент подписывает указ о первоочередных мерах по переходу к рыночным отношениям, определяющий порядок заключения договоров на 1991 год. Новые преysкуранты узаконены как база. Хуже того. Предприятия получают возможность диктовать потребителям еще более высокие, "договорные" цены. А совокупный спрос, далеко оторвавшийся от предложения, приравнивает эту возможность к необходимости.

Беда принятого наконец 19 октября Верховным Советом СССР долгожданного документа "Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике" была отнюдь не в его компромиссном характере — в принципиальных вопросах он воспроизводит логику программы "500 дней" — и уж тем более не в повторении майской программы правительства. Просто в радикально изменившейся ситуации он уже не имел смысла.

За полтора месяца, так ничего толком и не сумев сделать для финансовой стабилизации, и российские, и союзные органы власти совместными усилиями запустили инфляционный механизм на полную мощность. Последняя возможность затормозить инфляцию, пока она не вырвалась на волю, не допустить лавинообразного роста цен была упущена. Кризис вступил в новую фазу.

V

Тронувшийся поезд не удержишь, хватаясь за поручни. После октября попытки силой страстного желания остановить рост цен, социально защитить российских потребителей от автомобильных запчастей и меховых шапок производят печально-комичное впечатление.

В результате всего сделанного с экономикой резкое повышение цен стало неизбежным. Что же, это еще не повод закрывать глаза от ужаса перед подступающей неизвестностью, запугивать друг друга неминуемой катастрофой. Куда полезнее, приняв открытую инфляцию как факт, пересмотреть экономико-политические рекомендации.

Характерный пример — широкое проникновение иностранной валюты во внутренний оборот. Пока сохранялся шанс укрепить рубль, избежав гиперинфляции, с ней надо было беспощадно бороться. Бегство от рубля к доллару может подорвать действенность любой финансовой политики. Положение изменилось: если крах существующей денежной системы неизбежен, его легче пережить в долларизованной экономике. Советский Союз — не Польша, долларов в обороте относительно немного, но воевать с ними уже не имеет смысла.

Теперь финансовую стабильность можно восстановить только на принципиально ином уровне цен, когда их рост, оторвавшись от увеличения номинальных доходов, сведет к нулю последствия предшествующей распределительной вакханалии. Как бы ни было это неприятно, приходится признать: чем дольше будем цепляться за жалкие останки существовавшей ранее ценовой системы, тем дольше продлится период, когда цены растут, а дефицит по-прежнему свирепствует.

То, как будут разворачиваться в ближайшем будущем инфляционные процессы, в значительной мере зависит от республиканских и местных органов власти. Эстония резко повышает государственные цены, вводит относительно скромные компенсации. Украина экспериментирует с параллельными деньгами. Здесь всплеск ажиотажного спроса в октябре, накануне их введения, был сопоставим по масштабам с майским, прокатившимся по всей стране. Ленинград высказался за более привычное сочетание карточек и коммерческих цен.

В России конфликт союзных и республиканских органов резко расширяет автономию местных, получающих значительную свободу маневра. Отключив воду и тепло, поставив милиционера проверять, куда идут грузы, они могут добиться от предприятий лояльности. Не случайно именно местные органы власти становятся важнейшим субъектом товарообменных операций.

В условиях бартерной экономики наиболее тяжелым оказывается положение районов с высокой концентрацией оборонной промышленности, инвестиционного машиностроения. На их продукцию сегодня много не выменять. Особенно резко ухудшается снабжение Москвы и Ленинграда, где высокая концентрация оборонной промышленности и науки сочеталась с традиционной зависимостью от поставок из общесоюзных фондов. Здесь же явно видны последствия закупорки товаропроводящих

путей, сознательное поддержание нехватки товаров (экстремально высокие цены колхозных рынков, периодическое, резкое увеличение товарных запасов в оптовой торговле и промышленности на фоне острейшего дефицита).

Как правило, лучше дела в районах, традиционно поставлявших в общесоюзные фонды продовольствие, там, где сконцентрирован выпуск промышленных потребительских товаров, производится экспортная продукция. Политический контекст инфляции бывает поразительно схожим в самых разных странах.

Напряженность социальных конфликтов. Слабая власть, неспособная проводить осмысленную политику, пытающаяся удовлетворить запросы тех сил, которые могут подкрепить их наиболее недвусмысленными угрозами. Стремление в политике не играть по правилам, а менять правила. Недоверие общества к правительству и разочарование в политических партиях. Широкомасштабный, уходящий в прошлый век поиск исторических виновников. Самые популярные лозунги: "Выгнать жуликов", "Навести порядок".

Все это написано не о нас. Так рисовали социально-политический портрет Бразилии и Аргентины во время вспышки инфляции, накануне военных переворотов 1964 и 1967 годов. Специфика отечественной "партии порядка" в том, что ее лидеры, не получившие образование в Уэст-Пойнте, неважно осведомлены о стандартной макроэкономике. Их представления о разумной экономической политике могут быть весьма экзотичными.

Определение, которое дает инфляции современная экономическая теория, нетрудно перевести на язык обыденной жизни — это положение, в котором общество пытается потратить больше того, чем оно располагает. В острых формах, мешающих нормальному течению воспроизводственных процессов, инфляция не может длиться вечно. неизбежно образуется коалиция сил, достаточно мощная, чтобы по меньшей мере на время восстановить финансовый порядок.

Не станет исключением и наша страна. Общие контуры антиинфляционной программы прогнозировать нетрудно. Пойдут вниз расходы государства на дотации, в первую очередь на продукты питания. Резко упадет зерновой импорт. На низком уровне стабилизируются государственные инвестиции, капиталовложения предприятий, производство инвестиционной продукции. С оборонными расходами сложнее: здесь все зависит от того, кто и как будет такую программу реализовывать.

Удастся ли стабилизировать экономику, сохранив ростки демократических и рыночных институтов, открытую миру внешнюю политику, курс на интеграцию в мировое хозяйство, или разгул безответственности, демагогии и анархии вновь уготовит

нам путь в тупик тоталитарного режима и автаркии — борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием экономической политики ближайшего будущего.